

ОН БЫЛ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

К столетию Григория Колтунова

Мне было лет тринадцать, когда по какому-то пустяшному случаю я в слезах воскликнула:

— Ну почему я такая невезучая!

Отец строго посмотрел на меня:

— Глупости! Просто ты еще не научилась ценить того, что дала тебе жизнь. Тебе повезло с самого начала — ты родилась в Одессе. Это уже не просто везение — это счастье!

— Но ведь и ты родился в Одессе, значит, ты счастливый человек?

— Конечно, — ответил отец.

И это было правдой.

Старейший отечественный кинодраматург, режиссер, писатель и музыкант Григорий Колтунов, которого еще при жизни называли классиком и патриархом кинематографа, любил и ценил жизнь. И жизнь, не всегда балуя, а порой и огорчая, причиняя боль, была к нему милосердна.

Она подарила ему талант, она наградила его долголетием и дала силы, чтобы почти до конца прожитых лет заниматься творчеством.

Кстати, патриархом отца стали называть, не потому что он дожил до 92-х лет, а намного раньше. И не только оттого, что он пришел, вернее, ворвался в кинематограф в уже далеком 1934 году, когда, прислав на республиканский конкурс свой первый сценарий, "Ошибка Лены Окуневой", получил за него первую премию. Патриарх — это не только возраст, стаж и опыт. Патриарх — это отношение. Отеческое отношение к творческой молодежи, к начинающим, подчас голодным и неустроенным, но талантливым сценаристам, актерам и режиссерам. Об отце говорили: "У Колтунова счастливая рука". И этой счастливой рукой он привел в большой кинематограф Феликса Миронера, Генриха Габая, Сергея Параджанова, Иннокентия Смоктуновского... Талантливые художники — они и сами со временем проторили бы свою дорогу, но кто знает истинную цену этому "со временем"? Знать, что ты помог, поддержал, открыл талант — не это ли счастье! И отец был счастлив и черпал радость в успехах своих крестников.

Отступление. Сергея Параджанова Колтунов впервые увидел на студии им. Довженко в 1954 г., когда тот работал ассистентом режиссера на каком-то фильме. По собственной инициативе Параджанов привел на

съемку одного из эпизодов маленького ослика. И этот ослик сразу же сделал эпизод живым и теплым. Отец понял, что перед ним талантливый человек, с огромным кинематографическим чутьем и нестандартным видением. Колтунов буквально за руку потащил Параджанова к высокому начальству, в результате чего будущему признанному гениальному режиссеру

была дана его первая самостоятельная постановка — фильм "Андреш" по сценарию (в соавторстве) Колтунова. Как-то вскоре после выпуска "Андреша" отец и Параджанов встретились у ворот Одесской киностудии. Параджанов схватил отца за руку и крикнул какому-то проходившему мимо студийному фотографу: "Советую запечатлеть кадр, как два будущих классика жмут друг другу руки!".

Итак, отец был счастливый человек, ибо душа его была не омрачена завистью. Он мог, умиляясь до слез, с восторгом рассказывать о какой-то интересной находке, интересном эпизоде, увиденном им в чужой работе. Помню, как он буквально погнал меня на телеграф дать поздравительную телеграмму режиссеру Артуру Войтецкому, фильм которого "Рассказы о любви" премьерным показом прошел на телевидении.

Но радуясь дарованию других, он, естественно, был счастлив, когда творческая удача приходила к нему самому.

Его творчество было многогранно. Актер, музыкант, композитор, драматург, режиссер, писатель, поэт... Романы "Кинжал" и "Пятый грех", повести, рассказы, стихи, вошедшие в его трилогию по "Шах-наме" Фирдоуси, более 70 сценариев и пьес, более 40 вышедших на экраны фильмов, многие из которых были отмечены престижными призами на международных кинофестивалях. Ему была присуждена специальная премия жюри Каннского кинофестиваля за сценарий фильма "Сорок первый". "Специальная" потому, что по регламенту фестиваля сценаристам — авторам экранизаций премия не присуждалась. Для Григория Колтунова было сделано исключение.

Отступление. В письме к отцу известного французского киноведа и историка кино Жоржа Садуля и в статье советского кинокритика Абра-

мова описываются те бурные дебаты, которые разгорелись между членами жюри и советской киноделегацией, настаивавшей на том, чтобы премию дали фильму в целом. Из-за этого жюри собралось вторично и снова вынесло вердикт: "Премия присуждается за сценарий с формулировкой "За оригинальный сценарий, гуманизм и революционную романтику" и ни по какой другой номинации больше". "Так Вас короновали вторично", — писал Жорж Садуль.

Премиями в Венеции и в Сан-Франциско был награжден фильм Колтунова "Мечь". А трилогия "Сказание о Рустаме", "Рустам и Сухраб" и "Сказание о Сиявуше" (по "Шах-наме") стали победителями на кинофестивале стран Азии.

Отец не был обделен званиями, правда, пришедшими к нему уже в немолодые годы: заслуженный деятель искусств Таджикистана (за трилогию по Фирдоуси), а через 20 лет — и Украины. Но запоздалость правительственного признания не мучила отца. Потому что было признание кинематографической общественности, потому что его фильмы знали и любили в народе. Любили, не зная имени сценариста, а порой вообще не зная, что такое сценарий. Но мальчишки скрещивали пальцы, подражая мотористу Райскому из "ЧП". И время от времени кто-то говорил кому-то: "Я не брал, он не давал. Он не давал, я не брал", — копируя милиционера Грищенко из "Зеленого фургона". И к шестидесятилетию отца среди огромного вороха поздравительных телеграмм была телеграмма от Бориса Андреева с подписью "Лючики", намекающая на роль Андреева в отцовском фильме "Максимка".

Отступление. На 90-летие отца пришли поздравительные телеграммы с киностудий всех бывших союзных республик. И в своем выступлении Григорий Колтунов сказал: "Я счастлив, что хоть на один день сумел восстановить Советский Союз".

Для Григория Колтунова ценнее всех званий было то, что его сценарий "Голубые дороги" удостоился чести быть опубликованным в "Новом мире" Твардовского. Честь, которая выпала еще на долю только гениальным Чаплину и Довженко.

Огорчало ли отца то, что многие его сценарии так и не получили экранного воплощения? Конечно, огорчало, хотя при творческой активности отца и притом, что в то время в год выпускалось считанное число фильмов, ему, сценаристу, у которого раз в полтора-два года, а то и чаще, выходили картины, грех было бы жаловаться. А впрочем, бывало по-разному...

Остались не поставленными сценарии "Сын" и "Чудесная цепочка" (за

право постановки которой спорили известные режиссеры). Помешала война. Что значили эти две неосуществленные картины по сравнению с разразившейся чудовищной катастрофой — войной! И как можно было расстраиваться, что остался, как говорится, "в столе" сценарий-памфлет "Мусор и звезды", — потому что помешала Победа? Радость затмила огорчение.

Были случаи, когда "похороны" сценария даже приносили удовлетворение. Так было тогда, когда отец сам забрал со студии "Мосфильм" свой сценарий "Народный ученый". Сценарий был принят с наилучшими отзывами и уже запускался в производство. Отец забрал его, потому что героем будущего фильма должен был стать печально знаменитый всеильный академик Трофим Денисович Лысенко. Вместе с редактором фильма Игорем Чекиным отец ждал в приемной Лысенко встречи с академиком. И через неплотно прикрытую дверь слышал разговор Лысенко с подчиненным ему коллегой (кстати, тоже академиком, но пониже рангом). Мат, угрозы, крик... "Моего сценария больше нет", — сказал Колтунов редактору. Он вернул киностудии гонорар. Такой демарш мог привести к тяжелым последствиям, но, к счастью, привел лишь к тому, что документы строптивного сценариста, пересланные в центр для присвоения ему звания, исчезли.

С присвоением звания так происходило трижды, поскольку отец еще не раз проявлял принципиальность. Если в случае с академиком Лысенко отец был счастлив, что не воспел недостойного, то в другом случае он мог со спокойной душой сказать себе: "Я не поступил своим достоинством". "Учитель музыки" — сценарий об украинском композиторе Мьколе Лысенко — был написан так, как мог писать только музыкант о музыканте: с любовью и пониманием. Но "наверху" кому-то показалось, что в титрах фильма об украинском композиторе должна кроме фамилии Колтунова стоять еще одна фамилия, более созвучная имени композитора. Несмотря на страшное многомесячное давление, отец ни на какие компромиссы не пошел. Он снова собственноручно "похоронил" свой сценарий и вернул гонорар. Фильм снят не был.

Здесь самое время сказать о том, что было одной из самых больших составляющих счастья отца. Самое время — потому что в истории с "Учителем музыки", как, впрочем, и во всей жизни, ему поддержкой была его самый большой друг — жена, наша мама, которая заявила, что готова голодать вместе с детьми, но только чтобы отец не сделал того шага, который он сам себе не простит.

Прожить с женой в любви и согласии 69 лет — это ли не счастье?! Его отец ценил очень высоко. Жизни отца с его Марусенькой — Мирелью Мои-

сеевной — завидовали и удивлялись многие киношники, сменившие не одну жену и оставшиеся на старости лет без близкого друга.

Вообще, в друзьях отец был счастлив. Его всегда окружали интересные люди. Несмотря на непростой характер, его любили, с ним дружили. Какие трогательные письма писал отцу Сергей Юткевич! Какие бурные излияния любви и радости можно было наблюдать при встречах с Аркашей — Аркадием Райкиным! Как не могли наговориться он и обычно сдержанный Георгий Александрович Товстоногов — Гога!

Близким и любимым другом отца был Иван Александрович Пырьев. Подружески пришел к нам в дом, будучи в Одессе, Сергей Герасимов (попав случайно на следующий день после моей свадьбы, или, как он сказал, на "черствую свадьбу"). Отец очень гордился тем, что с ним, молодым, на равных дружил Иван Кавалеридзе. Борис Чирков, Эраст Гарин и его жена — режиссер дубляжа Хеса Локшина... Нет, всех не перечислишь!

Отступление. Дружба Колтунова с Пырьевым началась с 1938 года, когда пырьевский фильм "Богатая невеста" после разгромной статьи, появившейся в киевской газете "Коммунист", осудил и худсовет — как враждебный и искажающий представление о колхозах. Но когда слово дали отцу как представителю творческой молодежи, он встал и сказал: "Статью в газете написал дурак. Картина хорошая". Поднялся шум: "Как вы смеете! Это же газета ЦК!" — "Значит, этот дурак ввел в заблуждение ЦК", — ответил Колтунов. "Все ясно, — сказал директор студии. — Картина принята единогласно". "Как единогласно?" — завопил представитель главка. "Единогласно, значит одним голосом", — ответил директор студии. Он отвез фильм в Москву. Картина понравилась Сталину и вошла в число лучших довоенных комедий Ивана Александровича Пырьева.

Отец гордился и был счастлив тем, что ни разу не поступил честию, совестью и достоинством. И счастьем он считал то, что судьба ни разу не ставила перед ним страшный выбор — жизнь или предательство. Хотя менее критические ситуации — бывали. А впрочем, кто в то страшное время

мог предсказать, во что выльется, скажем, отказ поставить свою подпись под каким-то бичующим собрата документом или нежелание воспевать мерзавца, или... Впрочем, того, за что можно было в те годы подвергнуться репрессиям или в лучшем случае остракизму, недопущению к профессии, — не перечислить.

Чистая совесть, любимая жена, любимая семья — дочери, внуки, братья, любимые друзья, любимый "Стенвей", игрой на котором отец начал день, любимая библиотека и шахматы, любимый город и неугасающее желание творить...

Да, воистину отец был счастливый человек!

